

К. М. Королев

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СИМВОЛОВ, ЗНАКОВ, ЭМБЛЕМ

МИДГАРД

2005

Содержание

<i>Предисловие. Мифология символа</i>	<i>9</i>
---	----------

А

<i>АБРАКАДАБРА. — АВАЛОН (АВАЛЛОН). — АДАМ КАДМОН. — АЛЛЕГОРИИ И ИХ АТРИБУТЫ. — АЛТАРЬ. — АЛФАВИТ. — АМУЛЕТ (ТАЛИСМАН). — АНДРОГИН. — АРТУР. — АРХЕТИПЫ. — АТЛАНТИДА. — АУМ (ОМ).</i>	<i>16–44</i>
---	--------------

Б

<i>БАШНЯ. — БЕЛАЯ БОГИНЯ. — БЛИЗНЕЦЫ. — БОГ.</i>	<i>45–53</i>
---	--------------

В

<i>ВАДЖРА. — ВАСИЛИСК. — ВЕЛИКАЯ БОГИНЯ. — ВЕНИК. — ВЕНОК. — ВЕРХ И НИЗ. — ВЕСЛО. — ВЕСЫ. — ВИНО. — ВОДА. — ВОЗДУХ. — ВОЛОСЫ. — ВОРОТА. — ВОСКОВЫЕ ФИГУРЫ. — ВОСТОК — ЗАПАД.</i>	<i>54–77</i>
---	--------------

Г

<i>ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ. — ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ. — ГЕРБ. — ГЕРМАФРОДИТ. — ГЕРМЕС ТРИСМЕГИСТ. — ГЕРОЙ. — ГОЛЕМ. — ГОЛОС (ЗВУК). — ГОМУНКУЛ. — ГОРА. — ГОРОД (МЕГАПОЛИС). — ГРААЛЬ. — ГРИФОН.</i>	<i>78–116</i>
--	---------------

СОДЕРЖАНИЕ

Д

ДАО. — ДВОЙНИК. — ДЕНЬГИ. — ДЕРЕВЬЯ. — ДИКАЯ
ОХОТА. — ДОМ. — ДРАКОН. — ДРЕВО ЖИЗНИ. —
ДРЕВО МИРОВОЕ. — ДРЕВО ПОЗНАНИЯ. — ДЬЯВОЛ. 117–162

Е

ЕВА. — ЕДИНОРОГ. 163–166

Ж

ЖЕЗЛ (ПОСОХ). — ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ. —
ЖЕСТ. — ЖИВОТНЫЕ 167–210

З

ЗВЕЗДА. — ЗЕМЛЯ. — ЗЕРКАЛО. — ЗНАКИ ВЛАСТИ. —
ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ. — ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ. —
ЗНАМЯ (ФЛАГ). — ЗОДИАК. 211–244

И

ИКОНОСТАС. — ИМЯ. — ИНТЕРНЕТ. —
ИНСТРУМЕНТЫ. — ИНЬ — ЯН. 245–260

Й

ЙОНИ. 261–262

К

КАМЕНЬ. — КВАДРАТ МАГИЧЕСКИЙ. — КЛЕЙМО
ДЬЯВОЛА. — КНИГА. — КОЛЕСО. — КОЛЬЦО. —
КОРАБЛЬ. — КРЕСТ. — КРОВЬ. — КРЫЛО. 263–322

Л

ЛАБРИС. — ЛАБИРИНТ. — ЛЕВЫЙ И ПРАВЫЙ. — ЛЕСТНИЦА. —
ЛИЛИТ. — ЛИНГА (-М). — ЛОГОС. — ЛУНА. 323–338

М

МАГ (ЖРЕЦ). — МАНДАЛА. — МАНДОРЛА. —	
МАНДРАГОРА. — МАСКА. — МЕГАЛИТЫ. — МЕЗУЗА. —	
МЕНОРА (СЕМИСВЕЧНИК). — МЕТАЛЛЫ. —	
МИФ И СКАЗКА. — МОЛНИЯ. — МОН. — МОСТ. —	
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.	339–383

Н

НАСЕКОМЫЕ. — НЕБО. — НИМБ. — НОЧЬ.	384–392
---	---------

О

ОБУВЬ. — ОГОНЬ. — ОДЕЖДА. — ОМФАЛ. —	
ОРДЕНА И МЕДАЛИ. — ОРНАМЕНТ. — ОРУЖИЕ.	393–422

П

ПЕРЕКРЕСТОК. — ПЕЩЕРА. — ПИРАМИДА. —	
ПИСЬМО. — ПЛАНЕТЫ. — ПОЦЕЛУЙ. — ПОЯС. —	
ПРИКЛАДНАЯ СИМВОЛИКА. — ПТИЦЫ. — ПУТЬ.	423–489

Р

РАДУГА. — РАЙ И АД. — РАКОВИНА. — РЕЛИКВИЯ. —	
РИТУАЛ (ОБРЯД). — РОГ ИЗОБИЛИЯ. — РЫБЫ.	490–505

С

СВАСТИКА (ГАММАДИОН, ГАММА-КРЕСТ). —	
СВЕЧА. — СВЯТЫЕ ДАРЫ. — СЕФИРОТ. — СОЕМБО. —	
СОЛНЦЕ. — СТИГМАТЫ. — СТИХИИ (ЭЛЕМЕНТЫ). —	
СТОЛЬ. — СФИНКС.	506–525

Т

ТАЙЦЗИ. — ТАРО. — ТАУ. — ТЕТРАГРАММАТОН. — ТИТУЛ	
(САН). — ТОТЕМ. — ТРИКВЕТРА. — ТРИСКЕЛЕ. — ТУЛЕ.	526–542

СОДЕРЖАНИЕ

У

УЗЕЛ 543–544

Ф

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ. — ФРУКТЫ (ПЛОДЫ). 545

Х

ХРАМ. 546–547

Ц

ЦВЕТ. — ЦВЕТЫ. — ЦЕНТР. 548–559

Ч

ЧАКРА. — ЧАША. — ЧЕЛОВЕК И ЕГО ТЕЛО. —

ЧЕРЕП. — ЧИСЛА. — ЧУРИНГА. 560–573

Ш

ШЕХИНА. 574

Э

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ И ИХ СИМВОЛИКА. —

АЛХИМИЯ: СТАДИИ ВЕЛИКОГО ДЕЛАНИЯ 575–596

Я

ЯЙЦО. 597–599

Библиография 600

Предисловие

МИФОЛОГИЯ СИМВОЛА

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к неведшим берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.
Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит,
И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

В. Соловьев

Символ — понятие чрезвычайное многогранное, многозначное, полисемантическое; как писал Юрий Лотман, «слово “символ” одно из самых многозначных в системе семиотических наук». А Алексей Лосев отмечал: «Понятие символа и в литературе и в искусстве является одним из самых туманных, сбивчивых и противоречивых понятий». Вполне вероятно, что «сбивчивость» понятия символа, упомянутая Лосевым, проистекает из множества дефиниций и интерпретаций символа, зачастую противоречащих друг другу. К трактовке символа как универсального феномена человеческой культуры обращались Платон, и Эмпедокл, и Дионисий Ареопагит, и средневековые схоластики; из сравнительно недавних примеров такого обращения можно упомянуть течение символизма в европейском и русском искусстве, метафизический символизм отца Павла Флоренского, культурологический символизм Эрнста Кассирера, психологическую парадигму символа-архетипа Карла Густава Юнга и «мифологическую парадигму» Мирчи Элиаде и Рене Генона.

Один из основоположников символизма в русском искусстве Вячеслав Иванов писал: «Символ только тогда истинный символ,

когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине. Он — органическое образование, как кристалл. Он даже некая монада, — и тем отличается от сложного и разложимого состава аллегории, притчи или сравнения... Подобно солнечному лучу, символ пронизывает все планы бытия и все сферы сознания и знаменует в каждой сфере иное назначение. Поистине, как все нисходящее из божественного лона, и символ... “знак противоречивый”, “предмет пререканий”».

Дорога к постижению природы символа нелегка и неспешна, поскольку сказать о символе все, исчерпать его суть через серию определений заведомо невозможно; кроме того, у символа свой язык («язык намека и внушения», а не рационально-логического суждения); символ един и целостен, он возникает и проявляется сам, а не конструируется по сознательному волеизъявлению; символ нечто «знаменует» и откуда-то (по Иванову — «из божественного лона») «нисходит», а потому, как знаменующий нечто, которое всяк волен понимать по-своему, символ есть сгусток противоречий и естественно становится «предметом пререканий».

Вячеслав Иванов понимал символ как объективную сущность, универсальный феномен, этакий «кирпичик» мироздания, комбинация которых образует своего рода символический алфавит, или миф; в этом алфавите скрыта сокровенная мудрость, подлинная история и подлинное естествознание. Символ наличествует в природе вещей, которая, в свою очередь, есть отражение иной, высшей реальности, знаменующее высшее бытие. Иначе говоря, символ — «окно в Вечность» (А. Белый). Эта трактовка символа восходит к «мифологическим религиям» древних, к учениям гностиков и орфиков, к пифагореизму и платонизму (как не вспомнить знаменитый спор «натуралистов» и «конвенционалистов» в платоновском диалоге «Кратил»); современный вариант этой трактовки дал Рене Генон: «Подлинным основанием символизма является соответствие, связующее вместе все уровни реальности, присоединяющее их один к другому и, следовательно, простирающееся от природно-

го порядка в целом к сверхъестественному порядку. Благодаря этому соответствию вся Природа есть не что иное, как символ, то есть ее подлинное значение становится очевидным, только если она рассматривается как указатель, могущий заставить нас осознать сверхъестественные или “метафизические” истины — метафизические в действительном, подлинном смысле слова; в этом и состоит “сущностная функция символизма”...»

Символ можно назвать «воспоминанием об опыте». Этот опыт безусловно персонифицирован — будь то на уровне отдельной личности, сообщества или целого народа, целой культуры; алфавита символов, единого для всех народов и всех культур, не существует. Чем глубже, чем пронзительнее этот опыт, тем значимее символ. «Материальную» форму последний может обретать в образе, звуке, слове, действии, вещи — во всем, что существует в физической действительности.

Чем ближе по времени символ пережитому опыту, тем яснее и отчетливее его смысл, тем громче и мощнее его голос. Соответственно чем дальше он отстоит по времени от пережитого опыта, тем туманнее становится его смысл, тем глуше и загадочнее делается его голос.

В эволюции символа можно выделить три стадии. Первая стадия — понимание: те, кто не переживал «первоначального» опыта, получают возможность приобщиться к нему через объяснение хранителей древней мудрости, причем непременным условием истинности этого объяснения служит «непрерывность» хранителей — знание передается от наставника к ученику, последний со временем сам становится наставником и передает это знание своему ученику, и так далее. Вторая стадия — интерпретация, она возникает в тот момент, когда нарушается принцип неразрывности. Истинное, сакральное знание оказывается утраченным, уступает место профаническим толкованиям и домыслам, первоначальный опыт начинает представляться чем-то мифическим (не мифологическим!). Тем не менее на этой стадии символ все еще воспринимается как «духовный инструмент» постижения реальности. Наконец, третья стадия — забвение: символ умирает, сохраняя лишь археологическую, этнографическую ценность, пре-

вращается, по меткому выражению Х. Э. Сирлота, из объективной сущности в «статью энциклопедии».

Впрочем, символы достаточно часто переживают возрождение; правда, возрождаются они уже в относительно новом качестве, зачастую теряя все корреляция со своими «прообразами». Примером подобного возрождения символов может служить современный оккультизм, основанный идеологически именно на «воскрешенных» символах. Эти символы используются в современном контексте практически безотносительно к изначальному опыту, их породившему. Они обладают собственной энергией, собственной ценностью, собственной идентичностью, однако ни в коей мере не могут претендовать на «наследование» древней сакральной силы.

Символ — высшая форма знания, и потому он предельно абстрактен, предельно, концентрированно условен; означающим в нем, если воспользоваться терминологией Ф. де Соссюра, выступает некий элемент действительности, а означаемым — трансценденция. Именно поэтому «графической формой» символов чаще всего выступают простейшие начертания (точка, линия) и геометрические фигуры (круг, квадрат, треугольник). Предельно условны и графические прикладные *символы*, обозначающие специальные понятия в различных областях знаний: это прежде всего математические символы (знаки сложения, вычитания, умножения, деления и пр.), знаки математической логики, астрономические и астрологические символы, топографические знаки, музыкальная нотация и др. Абстрактность символа — необходимое условие его бытования в «символическом качестве»: ведь только через абстрагирование от действительности возможно достичь приобщения к сокровенному знанию.

Символы в их графическом представлении часто смешивают с *символическими изображениями*, которые в обиходе также именуются «символами». Между тем символическое изображение — отнюдь не абстракция знания, а его предельная конкретизация: каждое символическое изображение строго соответствует определенному объекту действительности, который оно представляет. Так, Эйфелева башня — не символ, но символическое изобра-

жение Парижа, а Кремль, Петропавловская крепость или печально знаменитые башни-близнецы — не символы, но символические изображения Москвы, Санкт-Петербурга и Нью-Йорка соответственно. В отличие от «истинных символов» символические изображения непостоянны, почти эфемерны, возникают спонтанно и далеко не всегда получают равное признание у разных народов (а истинные символы в значительной степени универсальны — сравним, к примеру, толкование круга как символа у народов Европы и Дальнего Востока). Та же Эйфелева башня в первые годы после ее возведения считалась не знаком, а позором Парижа, символическим же изображением французской столицы служили собор Нотр-Дам и Лувр.

Противоположностью символов являются *эмблемы* — конкретные изображения фигур, то есть объектов действительности. В отличие от символов означаемым для эмблем выступает не трансценденция, а сугубо конкретное понятие. В качестве фигур могут выступать и живые существа, и любые неодушевленные предметы, и существа мифические и фантастические; относительно этих фигур имеется исторически сложившееся международное согласие, они обладают «эталонным» изображением, которое обеспечивает их узнавание. Кроме того, эмблема — это «нарисованная идея» (В. Похлебкин), идея, выраженная через изображение предмета или фигуры, в которых зафиксировано ее конвенциональное значение. Так, солнце — не символ, но эмблема света, жизни, счастья и богатства, а красная роза — не символ, но эмблема страсти. Как правило, эмблемы имеют сравнительно узкий «ареал бытования»: на Дальнем Востоке змея трактуется как эмблема мудрости, а в Европе и Латинской Америке это пресмыкающееся — эмблема лжи и коварства; национальная эмблема Шотландии репейник в России олицетворяет никчемность, непригодность и даже вредоносность; русская эмблема медлительности — черепаха — у африканских народов толкуется как эмблема мудрости и т.д.

Символы выражают идеи высшей абстракции, которые практически невозможно кратко описать или сформулировать словами («окно в Вечность»). Например, символом христианства является крест, а символом ислама — полумесяц, причем оба этих

знака как бы содержат в себе в чрезвычайно концентрированном виде обе религиозные доктрины. Эмблемы же, как говорилось выше, связаны с конкретными понятиями и идеями, являются конкретными «опознавательными знаками» (кстати сказать, свое происхождение эмблемы ведут от племенных тотемов, служивших, в частности, «разделителями» племени на фратрии). По причине своей конкретности эмблемы подвержены субъективному толкованию: так, осел — эмблема Демократической партии в США и одновременно эмблема тупого упрямства в фольклоре многих народов, что в эпоху идеологического противостояния между Востоком и Западом давало повод для многочисленных карикатур и словесных упражнений в остроумии.

Символы и эмблемы разнятся между собой и чисто внешне, то есть графически — символы всегда абстрактны, а эмблемы конкретны, хоть и стилизованы. Сколь бы фантастична ни была, на первый взгляд, та или иная эмблема, отыскать ее исторические корни в принципе возможно. А что касается символов, то, как писал В. Похлебкин, «в символах же исторические корни столь глубоки, столь бывают скрыты различными позднейшими идеологическими наслоениями и столь превращены в абстрактные понятия, что доискаться их конкретных истоков практически не представляется возможным (выяснять, например, кто и где первым “выдумал” крест, бессмысленно), хотя и символы, как и знаки в целом, несомненно также реальная историческая категория. Но она очень древняя, а потому скрыта от наших глаз не только туманом тысячелетий, но и туманом мистики» (последняя фраза кажется уничижительной, однако «мистический туман» вокруг символов есть всего-навсего признак их вырождения, угасания, перехода от понимания их подлинного значения к забвению оногo).

Мироздание говорит с человеком на языке символов. В метафизическом плане мироздание представляет собой «знакоткань» (Е. Островский), или мир символов, постижение которых позволяет человеку определенным образом конструировать реальность. Впрочем, человек современный, *homo modernus*, в отличие от *homo antiquus* и *homo medievalus* в значительной мере утратил способность постигать знакоткань. «...В наше время символы воспри-

нимаются, как правило, в порядке понятийного (логического или псевдологического) знания. Мы их воспринимаем критически как знаки и считаем, что они для того и существуют, чтобы расширить наше знание о нас самих, то есть о культуре, о собственной психике, о собственном поведении, о собственных тенденциях в порядке прогнозирования, в порядке анамнеза, в порядке диагностики и многих других прагматически необходимых нам вещах. То есть внутри наших знаковых систем они десимволизируются, теряют свое непосредственное “сознательное” содержание и превращаются в знаки, строго говоря, уже “неизвестно чего”... В таком порядке, в мировосприятии современного культурного человека символов становится все меньше и меньше» (М. Мамардашвили, А. Пятигорский). Но все же, как упоминалось выше, символы имеют обыкновение возрождаться, поскольку человек — «животное символическое» и поскольку Природа говорит с человеком именно на языке символов; поэтому и по сей день мы вправе повторять за Шарлем Бодлером:

Природа — строгий храм, где строй живых колонн
Порой чуть внятный звук украдкою уронит;
Лесами символов бредет, в их чашах тонет
Смущенный человек, их взглядом умилен.

Как эхо отзвуков в один аккорд неясный,
Где все едино, свет и ночи темнота,
Благоухания и звуки и цвета
В ней сочетаются в гармонии согласной.

Есть запах девственный; как луг, он чист и свят,
Как тело детское, высокий звук гобоя;
И есть торжественный, развратный аромат —

Слиянье ладана и амбры и бензоа:
В нем бесконечное доступно вдруг для нас,
В нем высших дум восторг и лучших чувств экстаз!

А

АБРАКАДАБРА. Магическая формула, представляющая собой в «материальном» виде перевернутый треугольник, в который слово «абракадабра» (от древнееврейского *abrtg as habra* — «(мечи) молнию и в смерти») вписывалось, начиная с верха; при перемещении вниз слово всякий раз усекалось на одну букву; заканчивался треугольник одной буквой «а». Считалось, что это заклинание, нанесенное на амулет, способно исцелить от болезни, особенно от лихорадки.

Формула, «изобретение» которой приписывается традицией древнегреческому философу Северу Саммоникку, имеет следующий вид:

А В R A C A D A B R A
A B R A C A D A B R
A B R A C A D A B
A B R A C A D A
A B R A C A D
A B R A C A
A B R A C
A B R A
A B R
A B
A

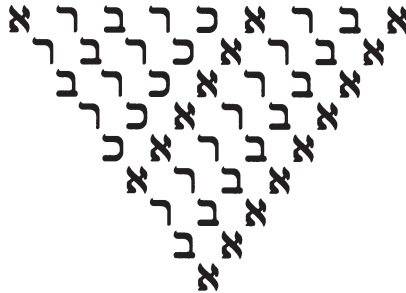
Другая этимология возводит слово «абракадабра» к имени гностического божества Абрассаса. В учении Василида Александрийского Абрассас — Верховный Отец мироздания. Как правило, Абрассас изображался в виде существа с телом человека, головой пехи и змеиными ногами, причем эта комбинация толковалась сле-

дующим образом: змеи есть опоры божественности — Нус (ум) и Логос (слово), голова петуха означает Фронензис, или рас-судок, человеческие руки символизируют Софию (мудрость) и Динамис (сила, власть). По Василиду, «числовая сила» букв, составляющих имя Абраксаса, равна 365 ($A = 1, B = 2, R = 100, A = 1, X = 60, A = 1, S = 200$), что соответствует делению вселенной на 365 эонов, или духовных циклов. Любопытно отметить, что числовая «сила» имени Абраксаса совпадает с «числовой силой» имени Митры — солнечного божества в мифологии персов и римлян эпохи Поздней империи. Это совпадение было отмечено еще в древности, вследствие чего в некоторых текстах слово «абракадабра» как производное от «Abraxas» признается одним из имен Митры.

Абраксас — верховное божество гностиков.

Прочие варианты этимологии слова «абракадабра» — от древнееврейских *ab* (отец), *ben* (сын) и *ruach acadsch* (Святой Дух) или от арамейского *avada kedavra* — «вещь может быть разрушенной».

Любопытное толкование этой магической формулы содержится у С. Макки, автора исследования «Мифологическая астрономия древних», который полагал, что изначальный Зодиак занимал на небосводе иное положение, чем Зодиак нынешний, и утверждал, что «абракадабра» с ее усечением букв представляет со-

АВАЛОН (АВВАЛОН)

бой символическое описание перемещений светил и созвездий: «Медленное, постепенное исчезновение Тельца счастливо запечатлено в исчезновении ряда букв, столь выразительно утверждающих этот примечательный астрономический факт. Потому что абракадабра есть Бык, и только Бык. Древнее предложение расщепляется на составляющие части таким образом: *Ab'r-achad-ab'ra*, то есть *Ab'r* — Бык; *achad* — единственный; *Achad* есть одно из имен Солнца, данное ему как Сияющему Единственному, поскольку оно является единственной звездой, которую стоит видеть, когда она на небе; остающееся *ab'ra* завершает целое, которое и должно быть, — Бык, Единственный Бык. Повторение имени с опусканием букв, до тех пор пока они не исчезнут совсем, есть наиболее простой, но в то же время наиболее успешный способ сохранения в памяти факта. И имя Сораписа, или Сераписа, данное Быку в описанных выше церемониях, кладет конец всем сомнениям. Это слово (*Abracadabra*) исчезает в одиннадцати последовательных стадиях, как показано на рисунке. И что было очень примечательным, тело с тремя головами, обвитыми Змеей одиннадцатью Кольцами, уложенными Сераписом; и одиннадцать

Смертельно раненного Артура переправляют на Авалон.

Заворотов Колец образуют треугольник, подобный тому, который образуется исчезающими одиннадцатью линиями абракадабры».

АВАЛОН (АВАЛЛОН). В кельтской мифологической традиции Остров вечной юности, иначе Остров блаженных, земля за морем, где-то на западе. На Авалон был переправлен смертельно раненный король Артур; там он живет до сих пор и в урочный час вернется в свое бывшее королевство «королем грядущего».

Авалон — символ загробного мира; плавание на остров и возвра-

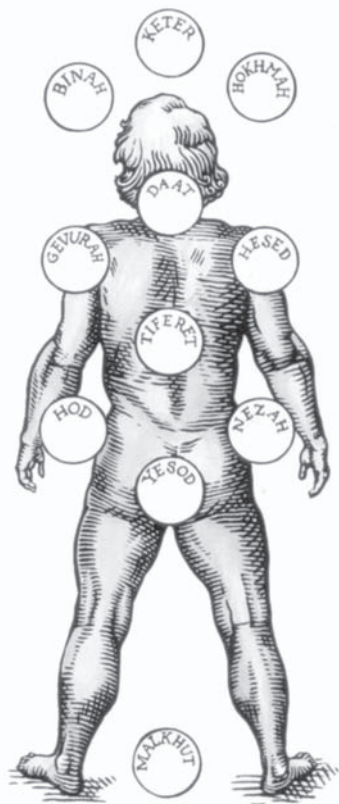
щение оттуда есть символическое умирание, обряд инициации сродни шаманическому обряду Одина. Кроме того, Авалон выступает как вариант Атлантиды.

В русской традиции Авалону соответствует остров Буян, на котором находится «бел-горюч камень Алатырь». Буян также связан с потусторонним миром, на нем, подобно Артуру на Авалоне, обитают те, от кого человек ожидает чудесной помощи. Без упоминания Буяна не будет действенным ни один заговор. Камень Алатырь есть омфалос, алтарь, расположенный в центре мира, посреди океана; на этом камне стоит мировое дерево, из-под него растекаются по всему миру целебные реки.

В других традициях и культурах эквивалентами Авалона выступают греческие Острова блаженных и Елисейские поля, «волшебные сады» китайцев, отчасти скандинавский Асгард.

АДАМ КАДМОН. Абсолютный человек, первообраз духовного и материального мира, человек как макрокосм. Само еврейское словосочетание *adam qadmon* переводится как «Адам первоначальный». Как «первочеловек» Адам Кадмон наделен андрогинной природой (см.: АНДРОГИН). По замечанию Мэнли П. Холла, «философски Адам Кадмон представляет собой полную духовную природу человека — андрогинную и не подверженную распаду».

Августин Блаженный писал, что буквы, из которых состоит Адам Кадмон как дерево Сефирот.

имя Адама, являются первыми буквами четырех греческих слов — Anatole (восток), Dysis (запад), Arktos (север) и Mesembria (юг). Тем самым Адам Кадмон самым своим именем, по мнению Августина, олицетворяет мироздание. (В славянском апокрифе читаем: «Архангел Михаил изыде на восток и виде звезду, имя ей Анатоли, и взял слово от нее слово Аз и принесе пред Господа. Архангел Гавриил изыде на западе и виде звезду, имя ей Дисис, и взял слово от нее слово Добро и принесе пред Господа. Рафаил изыде от полудне и виде звезду, имя ей Арктос, и взял слово от нее слово Аз и принесе пред Господа. Оурил изыде на полунощ и виде звезду, имя ей Месевриа, и взял слово от нее слово Мыслете и принесе пред Господа. И рече Господь: чти Оуриле. И рече Оурил: Адам».)

В каббалистической традиции Адам Кадмон — «соединительное звено» между Божеством и Его творением. Книга «Зогар» говорит о двух Адамах: первый — божественная субстанция, которая, проявившись из исходной тьмы, создала Адама земного, по своему образу и подобию. Иудаистическая легенда упоминает о четырех Адамах: первый, божественный, андрогин (Адам Кадмон) объединял в себе все духовные и материальные возможности; человечество произошло от четвертого Адама, природа которого раздвоилась на два физических тела — мужское и женское. Каббала толкует имя Адама как инициалы трех имен: *ADM = Adam, David, Messiah*; считается, что эти три личности имели одну душу, которая есть мировая душа человечества, причем Мессия — это душа развивающаяся, Давид — душа-«куколка», а Адам — душа возникающая. Согласно Е. П. Блаватской, Адам Кадмон — посредник между человеческим индивидуумом и универсумом, «мезокосм».

Образ Адама Кадмона в значительной мере перекликается с гностическим образом Антропоса — духовного первочеловека, андрогина, эманлирующего из себя духовный и материальный миры. Антропос одновременно есть и божество, и эманация божества, после грехопадения «соединившаяся» со своим земным подобием.

Мифологически образы Адама Кадмона и Антропоса восходят к древнеиндийским представлениям о Пуруше — первочеловеке, из которого возникли элементы космоса, вечном начале, одухотворенная и побужденная к деятельности *Пракрити* (мате-

Создание Адама из глины *prima materia*. — Schedel, *Das Buch der Chroniken* (1493).

риальной субстанцией); союз Пуруши и Пракрити привел к возникновению мира множественности вещей. Ср. также древнеиранские представления об Йиме и Гайомарте.

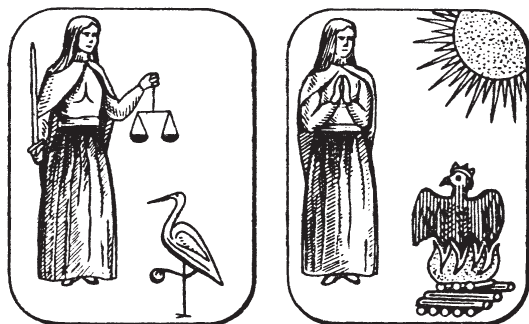
В каббалистике Адам Кадмон изображался как человек со спины, включенный в круг (макрокосм); он состоит из пяти равных частей в высоту и в ширину, раскинутые руки, расставленные ноги и голова образуют пентаду (см.: ЧИСЛА). В символике масонства образ Адама Кадмона олицетворял взаимопроникновение «горнего и дольного миров» и соотносился с «Давидовым щитом» (шестиконечной звездой).

Не лишним будет упомянуть и о собственно Адаме — библейском первочеловеке, сотворенном либо (в жреческом варианте)

АЛЛЕГОРИИ И ИХ АТТРИБУТЫ. Уже в классической мифологии божества отличались друг от друга не столько внешним обликом, сколько характерными предметами, означавшими сферу их «деятельности»: так, Геракл обычно изображался с палицей и львиной шкурой, Посейдон — с трезубцем, Гермес — в крылатом шлеме и с кадуцеем в руках, Афина — с эгидой и совой и т. д. Эти характерные предметы, служащие для быстрого и точного «опознания», получили названия атрибутов. В Средние века традицию присоединения атрибутов перенесли с богов на аллегории — женские или мужские фигуры, означавшие какое-либо свойство человека, его пороки или добродетели и прочие универсальные качества.

Добродетелей насчитывалось семь: четыре платоновских — мудрость, мужество, умеренность и справедливость, и три дополнительных, которые присовокупили к изначальному числу последователи Платона и Аристотеля, — вера, надежда и любовь. Все они изображались в виде женских фигур в длинных одеждах, и каждая имела собственные атрибуты. Мудрость отличали два лица, старое и молодое; у ног фигуры сидел дракон. Умеренность

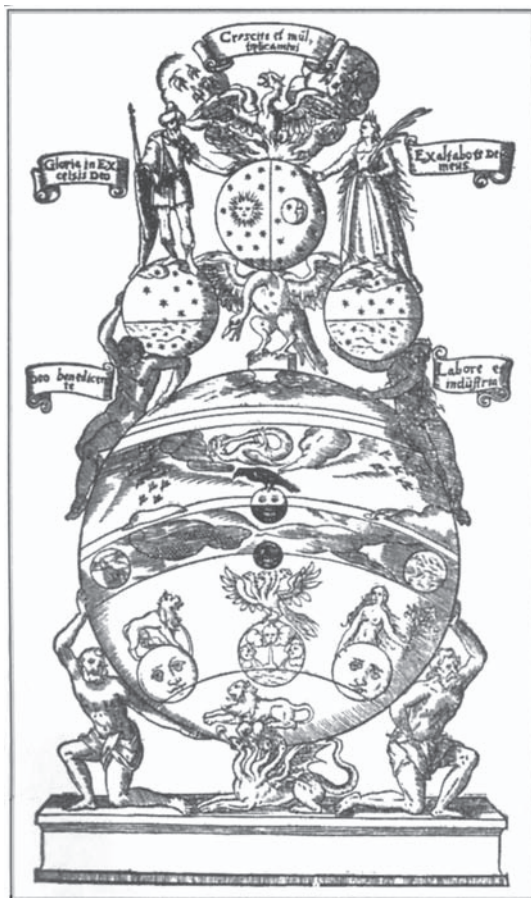

Аттрибуты аллегорий:

а. Аллегория правосудия с аттрибутами — мечом, весами и цаплей, держащей камень; б. Аллегория надежды с аттрибутами — сложенными в мольбе руками, Солнцем и птицей Феникс.

держала в руках кувшины, из одного по капле вытекала вода, а второй оставался в неприкосновенности. Мужество в одной руке сжимало жезл, а второй ломало надвое колонну; у ног фигуры сидел лев (см.: ЖИВОТНЫЕ). Справедливость изображалась с мечом и весами в руках; у ее ног стоял журавль, который означал бдительность. Вера на ладони одной руки держала хрустальную чашу, а второй сжимала крест; у ее ног сидела собака — эмблема верности. Надежда складывала руки в мольбе и устремляла взор к небесам; у ее ног сидел феникс на начинавшем гореть костре. Любовь одной рукой сыпала на землю семена, а другую прижимала к сердцу; у ее ног пеликан кормил своих птенцов собственной кровью.

Со временем эти и другие аттрибуты приобрели почти универсальное значение (во всяком случае, в рамках христианской цивилизации), благодаря чему стали восприниматься самостоятельно, то есть сами превратились в аллегории. К числу аттрибутов-аллегорий принадлежат, в частности, и коса — аттрибут смерти, и песочные часы — аттрибут времени и пр., в современном обществе такими аттрибутами-аллегориями являются, например, одежда haute-couture как эмблема преуспевания и достатка или вошедшие в анекдоты «шестисотые “мерседесы”» и малиновые пиджаки «новых русских» как эмблемы нувуришества.

Из книги А. Либавиуса «Алхимия»

АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ ГРАВЮРА, ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ ТРИ СТАДИИ АЛХИМИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В «первом Делании» (нижняя сфера) первовещество полностью очищается с помощью серии перегонки и проходит через «объединяющие врата гниения». Во «втором Делании» (три верхних сферы) происходит постоянная фиксация вещества. Лебедь символизирует «лунную тинктуру» (или «белый эликсир»). «Третье Делание» начинается с «философского брака» Короля и Королевы (Серы и Меркурия); на этой стадии рождается Феникс, называемый также «солнечной тинктурой» или «красным эликсиром».

АЛТАРЬ. Жертвенник, призванный через жертвоприношение донести до божества человеческие мольбы. Само слово «алтарь» с латыни переводится как «высокий жертвенник», из чего следует, что алтари ставились на возвышенностях, дабы приблизить их к божеству (см.: ГОРА). Богослов Н. И. Троицкий писал: «Известно, что народы древности любили ставить жертвенники, а потом и храмы на возвышенных местах, приближая их и себя к небу, к богам-небожителям, даже самые храмы уподобляли горам. А если для сего не было горы и даже небольшой природной возвышенности, то, по крайней мере, для жертвенника делалось искусственное, более или менее значительное, возвышение в виде холма-кургана. Поэтому у греков в древнейшую эпоху жертвенник назывался “вомос”, т. е. земляная насыпь». О возведении алтарей на возвышенностях говорит и Библия: Ной поставил жертвенник на вершине горы, где остановился ковчег; Авраам принес в жертву Исаака на горе Мориа; Иисус Навин и Давид ставили скинии на горах; храм Соломона был возведен на горе Сион; первая христианская евхаристия совершилась в горнице на Сионе — и Крестную Жертву Сам Спаситель совершил на Голгофском холме.

В христианском культе, заменившем фактическое жертвоприношение символическим, алтарь — прямоугольный стол, на котором происходит превращение хлеба и вина «в плоть и кровь Христовы» (в православной традиции этот стол называется *престолом*, тогда как алтарь — часть храма, доступная лишь священнослужителям).

Алтарь как символ — составная часть более общего, более «возвышенного» символа, каковым является храм. По толкованию Максима Исповедника и патриарха Софрония Иерусалимского, «храм есть образ мысленного и чувственного мира — человека духовного и телесного. Алтарь есть символ первого, средняя часть (храма. — К. К.) — символ второго. В то же время обе эти части составляют нераздельное единство, причем первая просвещает и питает вторую и последняя таким образом становится чувственным выражением первой... При таком их соотношении восстанавливается нарушенный грехопадением порядок вселенной». Симеон Солунский писал, что «притвор соответствует земле, церковь небу, а святейший алтарь тому, что выше неба».